

**Конвенция против пыток
и других жестоких, бесчеловечных
или унижающих достоинство видов
обращения и наказания**

Distr.
RESTRICTED*

CAT/C/31/D/210/2002
21 November 2003

RUSSIAN
Original: ENGLISH

КОМИТЕТ ПРОТИВ ПЫТОК

Тридцать первая сессия

10-21 ноября 2003 года

РЕШЕНИЕ

Сообщение № 210/2002

Представлено: г-ном В. Р.

Предполагаемая жертва: Заявитель

Государство-участник: Дания

Дата представления жалобы: 13 мая 2002 года (первоначальное представление)

Дата принятия настоящего решения: 17 ноября 2003 года

[ПРИЛОЖЕНИЕ]

---

* Публикуется по решению Комитета против пыток.

ПРИЛОЖЕНИЕ

РЕШЕНИЕ КОМИТЕТА ПРОТИВ ПЫТОК В СООТВЕТСТВИИ СО СТАТЬЕЙ 22
КОНВЕНЦИИ ПРОТИВ ПЫТОК И ДРУГИХ ЖЕСТОКИХ, БЕСЧЕЛОВЕЧНЫХ
ИЛИ УНИЖАЮЩИХ ДОСТОИНСТВО ВИДОВ ОБРАЩЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ

Тридцать первая сессия

относительно

Сообщения № 210/2002**

Представлено: г-ном В. Р.

Предполагаемая жертва: Заявитель

Государство-участник: Дания

Дата представления жалобы: 13 мая 2002 года (первоначальное представление)

Комитет против пыток, учрежденный в соответствии со статьей 17 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

на своем заседании 17 ноября 2003 года,

завершив рассмотрение жалобы № 210/2002, представленной Комитету против пыток г-ном В. Р. в соответствии со статьей 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

приняв во внимание всю информацию, представленную автором жалобы, его адвокатом и государством-участником,

принимает следующее:

** В соответствии с правилом 104 правил процедуры Комитета г-н Яковлев не участвовал в рассмотрении настоящей жалобы.

Решение в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции

1. Заявителем является гражданин Российской Федерации г-н В. Р., который на момент подачи жалобы проживал в Дании. Он утверждает, что его принудительное возвращение в Российскую Федерацию явилось бы нарушением статьи 3 Конвенции против пыток со стороны Дании. Он не представлен адвокатом.

Изложение фактов

2.1 6 ноября 1992 года заявитель и его супруга въехали на территорию Дании и сразу же подали ходатайство о предоставлении убежища. 5 ноября 1993 года Совет по делам беженцев Дании подтвердил более раннее решение Управления по вопросам иммиграции, в соответствии с которым заявитель и его семья должны были покинуть Данию к 20 ноября 1993 года. Заявитель и его семья уехали из Дании и вернулись в Россию¹.

2.2 Заявитель утверждает, что 26 июля 1994 года, по возвращении в Российскую Федерацию из Дании, он был арестован и обвинен в незаконном пересечении границы, участии в подрывной деятельности и клевете на представителей власти. Согласно его утверждениям, власти держали его под стражей с 26 июля 1994 года по 20 января 1998 года и подвергали различным формам пыток, в том числе пропускали газ через трахею, пока его не вырывало, и заставляли есть суп прямо из миски, предварительно связав ему руки за спиной. Он утверждает, что в январе 1996 года его приговорили к трем с половиной годам тюремного заключения за незаконное пересечение границы и участие в подрывной деятельности. После освобождения он стал членом Союза граждан, в рамках которого занимался деятельностью, связанной с проблематикой гражданских прав. Он утверждает, что в результате этой деятельности вступил в конфликт с властями, которые вновь лишили его свободы и подвергли пыткам.

2.3 15 июля 1999 года заявитель и его супруга с ребенком вторично прибыли в Данию, а на следующий день подали ходатайство о предоставлении убежища. 19 декабря 2001 года Иммиграционная служба Дании отказала ему в предоставлении убежища. 21 марта 2002 года Совет по делам беженцев подтвердил это решение, и заявителю и его семье было предложено покинуть Данию. Заявитель обратился в Совет по делам беженцев с просьбой возобновить его дело, так как, согласно его утверждениям, медицинское заключение Департамента судебной медицины от 21 декабря 2000 года ("заключение от 21 декабря 2000 года") было неправильным. Он также сообщил, что пыткам подверглась и его супруга и что во время слушаний в Совете она пережила в сознании вспышки

---

¹ Точная дата их возвращения не указана.

воспоминаний о прошлом, так как один из членов Совета напомнил ей одного сотрудника российской милиции. 27 июня 2002 года Совет по делам беженцев рассмотрел его ходатайство, но возобновить дело о предоставлении убежища отказался.

Жалоба

3.1 Заявитель утверждает, что, поскольку в случае возвращения в Российскую Федерацию ему реально угрожала бы опасность подвергнуться пыткам, его принудительное возвращение явилось бы нарушением статьи 3 Конвенции. Он подкрепляет свои опасения по поводу пыток утверждением о том, что ранее он им уже подвергался, что он являлся активным членом Союза граждан и что его уже осуждали за совершение уголовного преступления.

3.2 По словам заявителя, заключение от 21 декабря 2000 года, которым Совет по делам беженцев в значительной мере руководствовался при принятии своего решения не предоставлять ему убежища, не было тщательно подготовленным документом и могло толковаться по-разному. Он утверждает, что авторы заключения не отрицают факта наличия у него хронического посттравматического стрессового расстройства, вызванного последствиями применения пыток. Он также заявляет, что в этом заключении содержится упоминание о шрамах на его теле, которые образовались в результате совершения в прошлом актов пыток.

3.3 Кроме того, согласно его утверждению, даже если он и страдает параноидальным психозом (как указывается в вышеупомянутом заключении), по возвращении в Российскую Федерацию он будет заключен в тюрьму - где, по его словам, применение пыток к заключенным является обычной практикой властей - или помещен в закрытое психиатрическое учреждение.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения и комментарии заявителя

4.1 Вербальной нотой от 12 сентября 2002 года государство-участник представило свои соображения по поводу приемлемости и существа сообщения. Оно утверждает, что заявитель не обосновал prima facie для целей приемлемости сообщения. Если Комитет не отклонит сообщения на этом основании, то, по утверждению государства-участника, с точки зрения существа дела нарушения положений Конвенции допущено не было.

4.2 Государство-участник подробно характеризует организационную структуру Совета по делам беженцев и применяемую им процедуру принятия решений и, в частности, сообщает, что заявителю, как это обычно практикуется, был выделен адвокат, который,

как и сам заявитель, до заседания Совета имел возможность изучить материалы дела и справочные материалы. На слушаниях также присутствовал устный переводчик и представитель Иммиграционной службы Дании.

4.3 Касаясь вопроса о применении статьи 3 Конвенции к существу дела, государство-участник подчеркивает, что в соответствии с пунктом 5 Замечания общего характера об осуществлении статьи 3, которое было принято Комитетом 21 ноября 1997 года, бремя аргументированного изложения дела лежит на заявителе. Ссылаясь на это Замечание общего характера, государство-участник указывает, что Комитет не относится к числу апелляционных, квазисудебных или административных органов, а является наблюдательным органом. В настоящем сообщении не содержится никакой информации, которая уже не была бы обстоятельно рассмотрена Иммиграционной службой Дании и Советом по делам беженцев. Государство-участник утверждает, что, по его мнению, заявитель пытается использовать Комитет в качестве апелляционного органа, чтобы добиться новой оценки жалобы, которая уже была тщательно рассмотрена иммиграционными органами Дании.

4.4 Что касается вопроса о существовании серьезных оснований полагать, что в случае возвращения в Российскую Федерацию заявителю может угрожать применение пыток, то государство-участник ссылается на весь текст решения Совета по делам беженцев. В решении Совета по делам беженцев от 21 марта 2002 года говорилось, что заявитель и его супруга не сумели "убедительно и правдоподобно доказать, что после их возвращения в Россию в 1994 году и до их выезда в 1999 году они подвергались актам насилия, дающим основания для предоставления убежища, и что по возвращении риск подвергнуться таким актам будет настолько высоким, что им можно было бы на этом основании выдать вид на жительство в соответствии с разделом 7 Закона об иностранцах".

4.5 Государство-участник отмечает, что оценка Совета по делам беженцев согласуется с практикой Комитета, в соответствии с которой совершенные в прошлом акты пытки рассматриваются в качестве одного из элементов, принимаемых во внимание при изучении вопроса о том, будет ли заявителю угрожать риск применения пыток при возвращении в его страну происхождения. В этой связи Совет придает решающее значение заключению от 21 декабря 2000 года, в котором, в частности, говорится, что при освидетельствовании заявителя очевидных физических или психических последствий применения пыток, о которых он заявлял, обнаружено не было. Поэтому заявление заявителя о применении к нему пыток Совет во внимание не принял.

4.6 Письменный перевод заключения от 21 декабря 2000 года представлен не был, но представитель государства-участника устно перевел его². Во время освидетельствования автор утверждал, что он подвергался различным формам пыток. По итогам освидетельствования был сделан вывод об отсутствии признаков недавнего насилия. Что касается признаков применения насилия в прошлом, то на его спине и на его левой ступне было обнаружено по небольшому шраму неспецифического характера. Кроме того, на внешней стороне его передних зубов имелись фиссуры. Сообщается, что эти изменения могут быть вызваны химическими ожогами, но в остальном они не представляли собой чего-то особенного. Был сделан вывод, что у автора сообщения наблюдаются значительные изменения личности, которые можно рассматривать в качестве результата хронического развития посттравматического стрессового расстройства, но, скорее всего, это расстройство следует диагностировать как параноидальный психоз (психическое расстройство, сопровождаемое манией преследования). В заключительной части документа департамента судебной медицины делался вывод о том, что очевидных физических или психических последствий применения пыток, о которых заявлялось в данном случае, непосредственно не обнаружено.

4.7 После того, как утверждения автора о применении к нему пыток были отклонены, Совет признал, что это решающим образом ослабило его позицию. Он далее отметил, что утверждения супруги автора сообщения были менее убедительными и что, несмотря на неоднократные вопросы, она смогла объяснить причины принятия окончательного решения о выезде лишь в общих чертах. Совет пришел к выводу, что он не может согласиться с утверждениями автора и его супруги по поводу мотивов, побудивших их просить о предоставлении убежища. Хотя он не отверг полностью их утверждений по поводу того, что автор сообщения осуществлял в интересах Союза граждан деятельность в сфере гражданских прав, что у него были определенные конфликты с властями и что их дом подвергался обыску, всесторонне оценив представленную информацию, Совет пришел к выводу о том, что автор сообщения и его супруга не сумели доказать убедительным и правдоподобным образом, что после их возвращения в 1994 году и до их выезда в 1999 году они подвергались актам насилия, дающим основания для предоставления убежища, или что по их возвращении они вновь подвергнутся такому риску.

4.8 Государство-участник ссылается на утверждение о том, что ходатайство заявителя о предоставлении убежища было отклонено, даже несмотря на то, что в заключении от 21 декабря 2000 года не исключается возможность того, что заявитель страдает

---

² 5 ноября 2003 года государство-участник представило копию этого документа на английском языке Комитету для рассмотрения.

посттравматическим стрессовым расстройством. Государство-участник утверждает (как указано в предыдущих пунктах), что при освидетельствовании заявителя было обнаружено, что он страдает значительным изменением личности, которое может быть результатом посттравматического стрессового расстройства, но наиболее вероятным диагнозом является параноидальный психоз. В связи с этим государство-участник утверждает, что медицинская информация, доказывающая факт применения пыток к заявителю, отсутствует.

4.9 По словам государства-участника, обращаясь в Совет по делам беженцев с просьбой о возобновлении его дела, заявитель, в частности, указал, что он не согласен с заключением от 21 декабря 2000 года, поскольку его психическое состояние можно объяснить последствиями пыток, а освидетельствование, проведенное врачами до подготовки этого заключения, было недостаточно тщательным. Государство-участник отмечает, что отказываясь возобновить его дело 27 июня 2002 года, Совет по делам беженцев пришел к выводу о том, что новой информации, которая могла бы служить основой для формулирования предположения о неправильности заключения от 21 декабря 2000 года, не появилось³. По мнению государства-участника, один лишь факт несогласия заявителя с содержащимся в заключении выводом не может привести к его изменению.

4.10 Отклонив утверждения заявителя о применении к нему в прошлом пыток, Совет по делам беженцев счел заявление заявителя неправдоподобным и необоснованным. Это касается и утверждений супруги заявителя, в отношении которых Совет сделал вывод о том, что, несмотря на неоднократные вопросы, она смогла объяснить причину принятия окончательного решения о выезде лишь в общих чертах. Государство-участник также ссылается на тот факт, что в нескольких случаях показания заявителя и его супруги были не очень убедительными. Например, государство-участник ссылается на меморандум министерства иностранных дел от 26 ноября 2001 года, который упоминается в решении Совета по делам беженцев. Министерству было предложено прокомментировать подлинность копии судебного решения, которое якобы было вынесено по делу заявителя в январе 1996 года. Хотя оно не смогло установить, подлинным ли было это судебное решение, им был сделан вывод о том, что некоторые из отраженных в копии вопросов носили необычный характер. Там не было ссылок на применяемые положения уголовного законодательства, срок назначенного наказания исчислялся не целыми годами, а частями

---

³ Оно также отмечает ссылки Совета на то, что в соответствии с действующими правилами заявитель может опротестовать заключение, и сообщает, что заявитель ранее опротестовал психиатрический отчет клиники судебной психиатрии, который был составлен для целей подготовки заключения Департамента судебной медицины. Клиника ответила, что она не может удовлетворить просьбу заявителя о внесении изменений в заключение, так как заявитель и клиника расходятся в своих выводах.

года, что является необычным фактом, а наказание было вынесено в виде тюремного заключения, а не в виде обычного для подобных случаев пребывания в исправительно-трудовом лагере. Кроме того, государство-участник ссылается на утверждение, сформулированное заявителем в связи с его просьбой в адрес Совета о пересмотре его дела, согласно которому его супруга подвергалась пыткам, и во время проведения слушаний в Совете она пережила в сознании внезапные вспышки воспоминаний о прошлом, поскольку один из членов Совета напомнил ей одного сотрудника российской милиции. Представители Совета отметили, что во время слушаний супруга заявителя не показалась им похожей на человека, находящегося в состоянии шока, и что этот аргумент не может привести к отмене его решения.

4.11 Государство-участник ссылается на заявление Совета по делам беженцев о том, что он не может полностью отвергнуть утверждения заявителя по поводу того, что он осуществлял деятельность в интересах Союза граждан, что у него были определенные конфликты с властями и что его дом подвергался обыску. Вместе с тем государство-участник утверждает, что оно следует применяемой Комитетом практике, согласно которой "угроза подвергнуться тюремному заключению как таковая не является достаточной, для того чтобы привести в действие защиту, предусмотренную статьей 3 Конвенции"⁴.

4.12 Кроме того, государство-участник утверждает, что заявитель не доказал, что власти его страны-происхождения разыскивают его и что в случае возвращения ему будет угрожать опасность ареста⁵.

4.13 В заключение государство-участник подчеркивает, что Российская Федерация ратифицировала Конвенцию 3 марта 1987 года и признала компетенцию Комитета против пыток принимать и обрабатывать индивидуальные сообщения в соответствии со статьей 22 Конвенции. В связи с этим оно утверждает, что заявителю не грозит опасность возвращения в государство, не являющееся государством - участником Конвенции, где он не имел бы возможности обратиться к Комитету за защитой⁶.

---

⁴ Государство-участник ссылается на дело "И.А.О. против Швеции", жалоба № 65/1997, Соображения от 19 мая 1998 года.

⁵ Оно ссылается на дело "К.Н. против Швейцарии", жалоба № 94/1997, Соображения от 19 мая 1998 года.

⁶ "Тахир Хусейн Хан против Канады", жалоба № 15/1994, Соображения от 18 ноября 1994 года. "Балабу Мутombo против Швейцарии", жалоба № 13/1993, Соображения от 27 апреля 1994 года и "С.К. против Дании", жалоба № 143/1999, Соображения от 3 сентября 2000 года.

5.1 В ноябре 2002 года заявитель прокомментировал представление государства-участника. Он повторил свои прежние утверждения и оспорил выводы Совета по делам беженцев. Он представил подробные аргументы в доказательство подлинности судебного решения, вынесенного против него в январе 1996 года, и передал медицинские заключения, чтобы доказать, что его жена является неуравновешенной. Он утверждал, что Совет по делам беженцев проигнорировал ее утверждение о том, что в период содержания под стражей в милиции в 1995 году она подверглась изнасилованию.

5.2 Заявитель не представил подробной информации по делу его супруги. Его супруга подробно рассказала о событиях, происшедших после их возвращения в 1994 году в Российскую Федерацию, в своем ходатайстве о предоставлении убежища от 16 сентября 1999 года и 20 сентября 1999 года, а также во время дополнительной беседы, состоявшейся 9 ноября 1999 года. Она утверждала, что после их возвращения она подверглась задержанию и в течение четырех дней содержалась под стражей, будучи разлученной со своим ребенком. После возвращения домой ее вновь допросили и нанесли удар по голове. Впоследствии ей было предъявлено обвинение в выезде за пределы Российской Федерации без разрешения и вынесен приговор с отсрочкой исполнения. В беседе с ней, состоявшейся 9 ноября, она утверждала, что до 1995 года ее еженедельно вызывали в милицию на допрос. В ходе той же ноябрьской беседы 1999 года она также утверждала, что в ноябре 1995 года была изнасилована несколькими милиционерами. В январе 1999 года и во время проведения обыска в их доме ее супруг и сын подверглись побоям.

5.3 Заявитель утверждает, что, хотя государство-участник и не полностью отвергает его заявление о том, что он осуществлял деятельность в интересах Союза граждан, что у него были определенные конфликты с властями и что его дом подвергался обыску, оно должно знать, что факт применения к нему в прошлом пыток - вполне вероятный факт. В связи с этим он прилагает информацию различных неправительственных организаций о применении пыток к активистам-правозащитникам и заключенным в Российской Федерации. Он также утверждает, что методы, которые применяются при совершении актов пыток, таковы, что после их применения нередко остается мало физических следов или вообще их не остается. Наконец, он представил копию медицинского заключения клинического психолога из Норвегии, которое было датировано 25 ноября 2002 года и в котором он характеризовался как "жертва пыток".

5.4 Письмом от 12 августа 2003 года заявитель проинформировал Комитет о том, что, хотя он и его семья после регистрации его жалобы Комитетом провели какое-то время в Норвегии, опасаясь быть высланными датскими властями, впоследствии они вернулись в

Данию, где живут у друзей (даты не указаны). Он также прилагает другое письмо психолога от 18 апреля 2000 года, в котором говорится, что у заявителя отмечаются "серьезные симптомы посттравматического стрессового расстройства (нарушение сна, стресс, психотравматические страдания), которые являются результатом тюремного заключения и применения пыток в его стране происхождения".

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

6.1 Прежде чем рассматривать какие-либо утверждения, содержащиеся в том или ином сообщении, Комитет против пыток должен решить, является ли сообщение приемлемым согласно статье 22 Конвенции. В связи с этим он в соответствии с требованиями пункта 5 а) статьи 22 Конвенции удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривался и не рассматривается в рамках какой-либо другой процедуры международного расследования или урегулирования. Комитет также отмечает, что государство-участник не оспаривает факта исчерпания внутренних средств правовой защиты. Хотя государство-участник утверждает, что заявитель не обосновал *prima facie* дела для целей приемлемости, Комитет отмечает, что оно не привело четкой мотивировки этой своей оценки. Более того, Комитет не видит никаких оснований для того, чтобы в соответствии с правилом 107 его правил процедуры признать это сообщение неприемлемым.

6.2 Комитет должен решить, будет ли принудительное возвращение заявителя в Российскую Федерацию нарушением обязательства государства-участника по пункту 1 статьи 3 Конвенции не высылать или не возвращать (*refouler*) какое-либо лицо другому государству, если существуют серьезные основания полагать, что ему может угрожать там применение пыток. Для формулирования такого вывода Комитет должен принять во внимание все относящиеся к делу обстоятельства, включая существование в государстве постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека. Однако преследуемая при этом цель заключается в том, чтобы определить, будет ли конкретно данному лицу грозить опасность подвергнуться применению пыток в стране, в которую оно возвратится. Из этого следует, что существование постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека в стране само по себе не дает достаточных оснований для того, чтобы делать вывод о том, что данному конкретному лицу по возвращении в эту страну будет угрожать опасность применения пыток, необходимо наличие дополнительных оснований, которые свидетельствовали бы о том, что опасность будет угрожать данному лицу лично. И наоборот, отсутствие постоянной практики грубых нарушений прав человека не означает, что какое-то лицо не может быть признано находящимся в опасности подвергнуться пыткам с учетом конкретных обстоятельств его дела.

6.3 Комитет отмечает, что главный аргумент заявителя связан с тем, каким образом Совет по делам беженцев выносил свое решение о непредоставлении ему убежища, и в частности с его толкованием медицинского заключения от 21 декабря 2000 года, с помощью которого прояснялся вопрос о том, подвергался ли он пыткам. Комитет не убежден доводами заявителя о том, что в случае его возвращения в Российскую Федерацию в настоящее время он может лично подвергнуться реальной угрозе применения пыток.

6.4 Поэтому, действуя в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, Комитет против пыток делает вывод, что высылка заявителя в Российскую Федерацию не являлась бы нарушением статьи 3 Конвенции.

[Принято на английском, испанском, русском и французском языках, причем оригиналом является текст на английском языке. Впоследствии будет выпущено также на арабском и китайском языках в качестве части годового доклада Комитета Генеральной Ассамблее.]
